

Малая родина – большая любовь: сборник прозы и поэзии жителей Ординского района / Сост. Г.П.Феденёва, И.И.Тимофеева; МБУ «Межпоселенческая центральная библиотека» Ординского муниципального района. – Орда, 2018. – 28 с.

«...Откуда я? Я из страны моего детства» - это строчки из письма Антуана Сент-Экзюпери к своей матери. Как точно сказал великий писатель, мы все родом из детства!

Основу сборника составляют работы, представленные жителями Ординского района на литературно-поэтический конкурс «Малая родина – большая любовь». У каждого человека воспоминания связаны с тем местом, где он родился, где прошло его босоное детство. Щемящее ностальгическое чувство любви, нежности, сердечности, сопричастности к происходящему читается в каждом рассказе и стихотворении. То, что написано авторами, близко и понятно каждому жителю района. Участники ещё раз подтвердили, как много у нас талантливых людей.

Отдельная благодарность Виталию Анатольевичу Богомолу за предоставленный рассказ. Приятного всем чтения.

Александр Старовойтов

У деда (случайная встреча,
Но встреча случилась не зря)
Понятье о родине вечно:
«Да это деревня моя!»

Вопрос же: «А рядом деревня?»
Поставил дедулю в тупик.
Смолчал бы совсем он, наверное,
Да вот отступить не привык.

Лицо его стало моложе,
Когда он изрек не тая:
«Соседняя - родина тоже –
Старуха оттуда моя...»

Виталий Богомолов
Белая рубашка на вырост

Произошло это в мае. Я учился в третьем классе. Значит, шёл 1958 год.

В нашей начальной школе было два учителя. И вели они по два класса одновременно: половину урока занимаются с одним классом, половину урока – с другим. Одному классу учительница объясняет новый материал, или ведёт опрос, другой в это время делает самостоятельную работу: дети читают про себя текст или учат стихотворение, пишут, решают примеры...

Был я в классе у Анны Григорьевны. А главным учителем школы считалась Александра Сергеевна. Однажды она позвала меня к себе в учительскую комнатку и сказала, что хочет поручить мне изготовить поделку на районный конкурс, посвящённый Дню советской пионерии. Отмечался он 19 мая слётом пионеров со всего района.

До этого, по книжке «Пионерский театр», я к новогодней школьной ёлке рисовал по клеточкам, выкраивал из обоев и склеивал для ребят маски медведя, зайца, лисы и волка. Потом раскрашивал их акварельными красками. Получилось, видимо, сносно, если Александра Сергеевна это помнила. Сейчас она показала мне в книжке рисунок, на котором был изображён горный круторогий козёл. Грациозно стоял козёл над обрывом. Мне предстояло срисовать это дикое животное, увеличив по клеточкам в несколько раз, вырезать его из толстого плотного картона и поставить на «скалу». Роль скалы должен был выполнить гриб, какие вырастают на стволах некоторых деревьев, и по форме очень напоминают

огромное лошадиное копыто. В нашей деревне такие наросты на стволах называли баками.

Баки эти Александра Сергеевна уже присмотрела на старом тополе возле дома Ирины Макаровны, проходя мимо каждый день на работу и с работы. И даже договорилась с капризной старухой, что та пожертвует их школе на доброе дело.

Назначив меня в помощники четверокласснику Вите Габову, Александра Сергеевна отправила нас к Макаровне на промысел.

Макаровна, свекровь моей учительницы Анны Григорьевны, была крупная, осанистая и надменная старуха. Говорят, муж её, Сергей, в годы раскулачивания был пылким активистом. Многие побаивались Ирины Макаровны. Не без робости мы выпросили у неё лестницу и топор. Изрядно помучившись, отбили со ствола обухом три нароста диаметром в пределах двадцати сантиметров и принесли их в школу. Александра Сергеевна выбрала тот, что повыше других, покруче боками, а диаметром поменьше.

Серая, густодымчатая бака, плотная и гладкая сверху, с неравномерными наплывами годовых колец, действительно по виду и цвету очень напоминала полукруглую горную обрывистую скалу в миниатюре.

Дома оклеил я этот «утёс» островками мха, в нескольких местах проделал шилом отверстия и вставил в них небольшие еловые лапочки, а на вершине водрузил козла, раскрашенного, как надо. Конечно, козёл был несоразмерен «утёсу». Зато по причине того, что он был несколько больше, поделка приобрела какой-то особенный эффект. Передними ногами животное стояло на краю обрыва, задние находились чуть ниже, это придавало козлу грациозность и символическую устремлённость вперёд и кверху.

Изделие получилось очень оригинальное. Если смотреть сбоку, то – настоящий миниатюрный козёл стоял на настоящей миниатюрной скале.

От нашей школы ехать на слёт пионерии в район должны были десять ребят и девчонок, конечно, – лучшие ученики. В третьем классе я учился ещё очень неплохо, был даже хорошистом¹.

И вот Александра Сергеевна, собрав пионеров (а ими были все, кто числился в третьем и четвёртом классах), зачитала фамилии тех, кто поедет на слёт.

Я своей фамилии не услышал. Меня в списке не оказалось. Наверное, я бы воспринял это как должное, ведь Александра Сергеевна была для нас авторитетом непререкаемым, если б в списке не оказалось и моего одноклассника Витьки, сына Александры Сергеевны. Во-первых, он учился заметно слабее меня, а во-вторых, я всё-таки изрядно повожился с конкурсной поделкой. Несправедливо как-то выходило. И, конечно, на

меня накатила обида, которую многократно усиливало неодолимое желание побывать на слёте, на празднике. Ребята, кто ездил в прошлом году, рассказывали, как весело и торжественно там было: маршировали, пели песни, соревновались, а вечером, уже по сумеркам, собрали всех на лесной поляне, где полыхал огромный пионерский костёр – искры до неба, и был салют осветительными ракетами. А главное – ели консервы из баночек. Давали одну на двоих.

Я рос мальчиком очень застенчивым, но в этот момент обида сделала меня неожиданно смелым. И я спросил, почему меня на слёт не берут, я же изготовил козла на скале?

Александра Сергеевна ответила на это внушительным тоном, что она не может отправить на слёт ребят больше определённого районом числа и что едут только самые лучшие ученики.

В детстве мы очень непосредственны; видимо, потому и родилось высказывание «Устами младенца глаголет истина».

– А ваш Витька учится хуже меня! – выпалил я. – Ему можно, раз он сын учительницы, да?

От такого дерзкого и неожиданного со стороны школьника обличения Александры Сергеевны, окружённая учениками, смутилась, её полное, массивное лицо начало краснеть заметно для всех – сконфузилась; и она медленно проговорила:

– Обязательное условие для поездки – это белая рубашка с короткими рукавами, а у тебя, Витя, её нет...

Да, такой рубашки у меня не было.

* * *

Дома я обо всём этом простодушно рассказал и стал просить, чтобы мне купили поскорее белую рубашку. В нашем деревенском магазине они были, по цене – сорок пять рублей. Я уже разведал по дороге из школы.

Все денежные вопросы в нашем хозяйстве решались дядей; а его сердитое мнение было таково, что на покупку рубашки денег нет. Рубашка стоила на пять рублей с копейками дешевле двух бутылок водки. А выпить дядя любил. Поскольку я рос без отца, то звал дядю папкой. И «папка» сказал с ядовитой поддёвкой, что ничего со мной не будет, если я не «слетаю», воробышек, на какой-то там слёт... Покупать белую рубашку, чтобы один раз её надеть?! «Уох, интеллигенция ещё нашлась...» – добавил он с подковыркой.

Такая острая обида вонзилась тут в моё сердце, что я ударился в слёзы. Никакие увещания не помогали. Рыдания мои были такими безутешными, непритворными и настолько горькими, что через какое-то время дядя не выдержал; сверкнув глазами, словно обнажённой шашкой на солнце, он бросил в сердцах:

– Купите ему эту рубашку! – И уточнил категорично: – На вырост. На вы-ы-рост!

Слёзы мои тут же кончились. Не знаю, сколько вёдер я их пролил, но рубашку вырвел. На другой день рубашку мне мама купила. На вырост, как приказал дядя. Она была мне до колен, а короткие рукава её спускались намного ниже моих локтей... Но я был невероятно счастлив. Я ведь не видел себя со стороны и не понимал, каким пугалом выгляжу в этой огромной рубашке.

О покупке рубашки я тут же доложил Александре Сергеевне, и она, скрепя сердце, включила меня в список едущих, одиннадцатым номером.

На слёте среди поделок, выставленных в районной средней школе, отыскал я и своего горного козла. Но работа моя померкла в моих глазах совершенно, когда я увидел другую поделку: выпиленный из тонкой фанеры домик, обнесённый палисадничком, а в домике этом зажигался электрический свет. Там была спрятана лампочка от фонарика, подсоединённая к батарейке. Тут стояла целая очередь из очарованных пионеров (видимо, любознательных), желающих своими руками испытать систему освещения в домике. И никто из зрителей не запрещал попробовать это. Мне тоже удалось включить и выключить тумблер, и в окошечках домика вспыхнул и погас свет. Таким техническим чудом я тогда был ошеломлён и пленён совершенно. Это тебе не какой-то там картонный козёл...

Но моя поделка на конкурсе выставленных работ заняла второе место среди изделий по картону. Для Александры Сергеевны это стало потрясающей неожиданностью на фоне того, что меня она и брать-то на слёт не собиралась. Я был награждён Похвальной грамотой и томиком стихов французского поэта Пьера Беранже с прекрасными рисунками. Конечно, для школы это было приятным событием, которое сработало на её авторитет. А для меня полной неожиданностью.

После, долгими зимними вечерами, когда это удавалось, я валялся на полатах и читал подаренные стихи, и скоро весь томик знал наизусть. Почему-то особенно задевали меня в стихотворении «Разбитая скрипка» слова: «Мой верный пёс, мой друг бесценный, доешь остаток пирога...»

С годами томик Беранже затерялся, стихи забылись, а грамота с простенькими водяными знаками, подписанная заведующим Ординского районного отдела народного образования Честиковым, хотя изрядно помятая, каким-то чудом сохранилась. Судя по многочисленным варварским сгибам грамоты, я не раз пытался смастерить из неё самолётик...

А вот белая рубашка на вырост... Да-а...

Когда я в возрасте двадцати двух лет вернулся из армии, рубашечка оказалась мне в самую пору. И стало мне запоздало стыдно за неё, за свой нелепый тогдашний вид. Память на всю жизнь.

1 Перебирая оставшиеся после смерти мамы вещи, я наткнулся на свой ученический дневник за четвёртый класс. Не поленился пересчитать оценки за год. И вот что вышло: пятёрок – 56, четвёрток – 31, троек – 2, двоек – 1, единиц – 0. Учились мы шесть дней в неделю, по четыре урока в день, иногда – пять.

Басанова Любовь Ильинична Шермейка ты моя родная

До боли в сердце дорогая
Шермейка ты моя родная.
Моё любимое село
Здесь детство всё моё прошло.

Наше село расположено в чаще среди гор и лесов. Посредине села протекает речка Ольнёвка. На тросах скреплённый был для перехода мост. Для чая я ходила на ключик на другую сторону речки. Раньше в селе был медеплавильный завод, поэтому возможно возле нашего дома было много шлака и большая часть огорода нашего была угольная (неурожайная). Картошка вырастала мелкая и мало. В нашем селе были колхоз «Россия», сыродельный завод, сельпо, пекарня, магазины продуктовый и промышленный.

В огороде 2 тополя, сросшиеся внизу, что позволяло через толстую палку качаться. Рядом стояли столик и скамейка, можно было читать,

заниматься. За огородом была МТС. Напротив нашего дома у Оглезневой Екатерины росла очень вкусная, сладкая черёмуха. При сборе в лесу вкус черёмухи сравнивали и выбирать старались такую же.

Мои родители Калякин Илья Павлович и Александра Иосифовна работали в колхозе без выходных, на трудодни, в основном на полях при изнурительно тяжёлом ручном труде. Бывало, на поле давали муки по 2 столовых ложки, они не съедали, а уносили детям. Ване, Вите, Толе тоже пришлось трудиться в колхозе с ранних лет. Питались в основном травами: пестики, пиканы, крапива, горькая редька, щавель, липа. Ребятам приходилось заниматься при маленькой лампушке, но они учились хорошо. Отец говорил, что приятно и на собрания ходить. Перед уходом на фронт мама тяжело была больна. Отец дал обещание, если выживет сам, с мамой не расстанется. Был на войне связистом, и приходилось за собой носить рацию. Вернулся без ранений, не считая того, что пуля попала в ремень. Награждён медалями: «За отвагу», «За освобождение Праги», «За освобождение Кенинсберга, «За победу над Германией».

Отец продолжал трудиться в колхозе. Мама стала инвалидом. Меня рожать матери запрещали, но она сказала: «Греха на душу брать не буду». Проблемы начались с роддома. При отсутствии молока у мамы, меня кормила родильница Оборина Анна Ивановна. Её дочь Нина и я до настоящего времени подруги. Наши старшие сёстры: Зина и Ирина – тоже. Я росла худой, загорелой, с «цыпками» на ногах. Бегала встречать отца с работы, и он брал меня на руки. Я была отцова дочь, сестра Зина – мамина. После несдержания бочки с водой у отца случился приступ. Диагноз поставили не сразу, увезли в Барду, но с операцией задержались. В 45 лет 20 сентября 1956 года отца не стало. Нас с Зиной хотели отдать в детский дом. Мы все втроём заплакали и нас оставили. У нас было заведено так: встаём в шесть часов утра и идём в лес. Мама с костылями от нас не отставала. Набрал клубнику, в горах по пути отдыхали у ключика. Когда ходили в лес за малиной, мама вспоминала, как я на весь лес кричала «Литка – улитка высунь рога, дам пирога калинова, малинова». Зина в доме была за мужчину, сильная по отцу (дробил пальцами куски сахара). Возила зерно на мельницу в д. Низовск на лошади, мололи и черёмуху сухую. Ягоды мама сушила и выдавала по горстке. В речке, где проходил транспорт было мелко. Мы загоняли краснопёриков, мальков в клетки из камушек и галечника и вылавливали руками, подолом. Рыбачили и на удочку в глубоких местах, надевая червя. Ловили более крупную рыбу: пескарей, голавлей, хариуса. Ухаживая за огородом периодически бегали купаться. Однажды хотела показать Зине, как умею нырять. Она видит: я то выплыву, то в воде скроюсь. Она быстро меня вытащила и положила на колени вниз лицом.

Похлопала и помассировала спину. Вода вышла, и я очнулась. Когда я стала учиться в школе, научила соседку Полю Курицыну читать в 5 лет.

Зимой катались на санках, скатывались с крыш конюшни. Вспоминаем с двоюродной сестрой Любой Симоновой, как на лыжах прошли через горы в д.Чермоду к тётке Насте и деду Кузьме. Тётя Нюра из Низовска помогала нам косить сено. Когда у неё появилась дочь Надя, Зина бегала нянчиться. Затем стали посылать меня. Я в слезах бегала в Низовск за 3 км. Позднее т. Нюра переехала в Низовск II за 4 км. Пришлось мне тоже бегать. Когда Надя училась в 1 классе, с её мамой случилась беда. Она упала с воза сена, сломала позвоночник. Через полгода т. Нюра умерла. Она наказала, чтобы Надю отдали в детдом. Надежда училась в Оханске, жила в школе–интернате. Летом приезжала к нам. С утра мы уходили в лес, и Надя следила за цыплятами. Она очень любила это дело. И вот её судьба – работа на Менделеевской фабрике более сорока лет, после окончания Осинского техникума.

У нашей школы был каменный первый этаж, второй – деревянный. Первая учительница Бердникова Анна Степановна. Мы её очень любили. Собирали макулатуру, золу, металлолом, ходили на экскурсии, плавали по речке в глубоких местах на плоту.

Мама ходила на пекарню чистить мешки, за это давали немного денег. Ребята выучились, посылали обновки, что-то сладкое. Позднее маме стали давать пенсию 8 рублей, при жизни понемногу увеличивать.

Мы ходили за грибами. Солили рыжики, грузди, волнушки. Подберёзовики и подосиновики сушили, варили грибовницы, жарили, особенно любили масленники. Весной в первую очередь оттаивала плотина, где мы могли побегать, поиграть. Нравилось по муравьиной куче похлопать и подставить лицо. Дома сами переложили печку из угла на середину. Получилась маленькая комната, где временно жила родственница с ребёнком. Мама помогла вырастить Зине 6 детей. Мамы не стало 15 июля 1994 года.

Моя бабушка Домна Кирилловна научила маму править живот при надсадах. Бабка Анна, мама моего отца, вправляла вывихи, лечила переломы. От бабушек передалось мне желание лечить людей.

Александр Астафьев

Пока со мною мама - я ребёнок,
Пусть самому уже за шестьдесят.
Давно, конечно, вырос из пеленок,
И голову седины серебрят.
Как в детстве получаю наставленья,
Теплей одеться и себя беречь.
Пусть свои о жизни представленья,

Советом не могу я пренебречь.
Порой, бывало, это раздражает,
Самостоятельным стремишься стать.
Но вот ушла - и мамы не хватает,
Уже никто не может поворчать.
Оставив жизни опыт нам в наследство,
Уходит вместе с мамой наше детство.

Вичугова Галина Евгеньевна
Моей подруге

Моя любимая подруга!
Из прожитых полсотни лет
С тобою знаем мы друг друга
Лет 45 – не меньше, нет.
Ты помнишь, в детстве мы играли
В проулке нашем на скамейках.
Быстрее вырасти желали,
Всему учились неумейки.
То воду с озера мы носим,
То рано утром в лес идём
И землянику в дом приносим
В жару и зной, и в дождь и гром.
Весной, лишь только снег растает,
Идём всей Тулвой на природу.
Как печь печёнки – каждый знает.
И пили снеговую воду.
И сок берёзовый любили!
Здоровыми росли при этом.
С весны до осени мы были
На свежем воздухе – всё лето
Концерты ставили старушкам,
Певцам известным подражая.
С успехом пели им частушки,
Страдалиц в них изображая.
А волейбол как все любили!
Натянем сетку – и вперёд.
Голов немало мы «забили»
Тогда в соседний огород.

Заветный тополь у дороги
Секретов наших много знал.
На все девчоночьи тревоги
Нам шёпот листьев отвечал.
А как любили мы купаться,
Нырять в наш судинский пруд,
В воде играть и кувыркаться,
На лодках плавать, коль дадут.
И фильмы, что за пять копеек,
Смотрели в клубе все подряд.
Идя домой, мы вверх глядели
И наблюдали звездопад.
В больших сугробах рыли норы
Катались с гор в крутых логах.
С трамплинов прыгали, узоры
От лыж оставив на снегах.
Промчалось детство золотое
Из гнёзд своих мы разлетелись.
Но в наших душах нет покоя.
Сюда стремимся, в эту прелесть.
Чтоб повидать своих подружек,
На домик хоть глазком взглянуть.
И переулок, что стал уже,
Нас приглашает отдохнуть.
Моя любимая подруга!
Пускай вперёд идут года.
Но ценим мы с тобой друг друга,
И дружба наша навсегда.

Дьякова Ольга Васильевна
Мы не знали, кто какой национальности

Малая родина для меня - это много солнца, тепла, журчание воды в арыках (ручейках), свист перепёлок, хлопковые поля и виноградники. Много винограда, везде, в каждом дворе. Разного сорта, цвета и вкуса.

Когда родители уходили на работу, мы, дети, ждали этого момента. Как воробьи сбивались в стаи и устраивали налёты на эти виноградники. Да просто воровали. И как сейчас говорят - это было круто! Причём сколько детей, столько дворов попадали под наш налёт. А потом нам попадало от взрослых за эти проделки - но это было позже. Им казалось, что мы едим зелёный виноград. Мы пытались объяснить, что зелёные и кислые гроздья мы выбрасывали и животы наши болели не по этой причине. "И с высоты виноградника мы не сорвёмся!", - отстаивали мы свою правоту. А такие случаи, как выяснилось в дальнейшем, были.

Этим летом мы поехали к морю и встретились там со своими ребятами, что в детстве дружили. Нам уж всем давно за пятьдесят. А как дети радовались встрече и видели себя детьми. Спрашивает меня мой бывший сосед: "Помнишь, как я сорвался с виноградника, разбил колено и лежал в больнице?" Из сочувствия я ответила, что помню, но это была неправда. Наверное, он был в другой воровской команде.

А ещё, моя малая родина - это дружба между людьми. Мы не знали, кто какой национальности. На нашей улице только наша семья были русские, остальные татары и узбеки. Учёба в школах была на русском языке, учились все вместе.

После лихих девяностых развалилась огромная страна под названием СССР. Русские уехали в Россию, татары в Крым, узбеки остались на своей родине. В память о моей малой родине и детстве у меня была давняя мечта сделать кукол: русскую, татарку и узбечку.

И о, чудо! Узбеки торгуют у нас в Орде, рядом с хлебным магазином. Они-то и привезли мне настоящий "хан - атлас" на платье кукле моей. Натуральный узбекский шёлк. Но когда я погрузилась в тему изготовления кукол моей мечты, то поняла, что я почти ничего не знаю о своей русской кукле. О своих корнях, традиции, культуре, ремёслах наших бабушек и дедушек. О предках наших, которые веками кормились от земли. И я с головой окунулась в познание русского быта, традиций, культуры: читала, посещала музей, разговаривала со старожилами села.

Проект "Орда - Преображение" явился точкой отсчёта моего преобразования после первого мастер-класса по изготовлению народной куклы. И называлась она "Подорожница". Для меня она стала дорожной картой с которой я дальше пошла по жизни.

Муж шутит: "Не наигралась в детстве куклами, сейчас навёрстываешь". А я не играю, я живу этим! И мечта о создании трёх кукол: русской, узбечки и татарки, которые будут всегда вместе, как в моём детстве, обязательно осуществится!

Римма Зотова
Моя малая родина

Не знаю, слышала ли я в детстве как поют соловьи, но я точно знаю, как поет ветер. И знаю, каким разным он бывает. Ведь моя малая родина – это открытое всем ветрам Верх-Беляево.

По тропинке на Верхбеляевском угоре я пробежала тысячи раз. Летом ветер приятно обдувал. Весной нёс запахи пробуждающейся весны. Зимой, порой, было страшно, что ветер сдует тебя и понесёт в поле. А как страшно он пел в печной трубе! Как завывал у окна. И все же как хорош был наш угор. По нему можно было бегать наперегонки, можно было гонять на велосипеде.

А еще угор – это главная тропка к дому. Откуда бы ни возвращался, поднялся в гору, считай, что дома. Всех путников встречала сосна. Увидишь её, и сил прибавляется. Сосна росла в огороде моей подружки детства Тани Малышевой, жившей в первом доме нашей улочки. Сколько было съедено горчущек под этой сосной. Сколько девичьих тайн рассказано!

Эта сосна и сейчас встречает меня, если иду на свою малую родину. Возвышающаяся над домами, упираясь своей макушкой в самое небо, она как бы говорит: «Ты вернулась. Я рада тебя видеть». И в душе сразу рождается комочек досады на себя, что так редко сюда возвращаюсь. А память, словно просыпается и подкидывает детские воспоминания.

Зимой мы катались на санках и на лыжах. Недостатка в горах не было. Особым шиком было съехать на лыжах прямо от кирпичного завода, к бывшему дому моего одноклассника Коли Митрофанова. С крутой горы лыжню, по которой следовало ехать, не было видно. Скорость умопомрачительная. Родители ругались, но всё равно ездили.

Лето знаменовалось приездом нашей пермской подружки Наташи. Мы почти каждый день прибегали к её бабушке тете Фене Белобородовой с одним и тем же вопросом, не приехала ли Наташа?

И конечно купались. По несколько раз в день. Речка Ординка была значительно глубже. Под улицей в моем детстве взрослые парни ныряли с берега. Потом здесь остались только мы, учились плавать. Подинники, Мубрина. На последнюю нас отпускали не очень охотно. Там было глубоко. Еще мы часто отправлялись в путешествие по реке. Каждый маленький островок, каждый большой камень, торчащий из воды, имели свои названия.

Весной речка разливалась от горы до горы. И тогда некоторые мужчины шли с саком на рыбный промысел. Малышню всегда брал с собой дядя Гриша. Григорий Банников пришел с войны без кисти одной руки. Он ловко управлялся с косой, граблями, но выковырять мелкую рыбешку из ячеек сака ему было проблематично. Своим уловом всегда делился со всеми. И тогда бабушка запекала эту мелочь в русской печи с яйцами.

За улицей, в сторону Серкино, был большой лог. В народе его называли Ариновка. Сейчас он уже не кажется таким глубоким. А тогда его склоны нередко превращались в лагерь альпинистов. С лопатами и верёвками мы штурмовали его неприступные склоны. Там же пытались найти стоянку древних людей. И не просто так. Под самым большим камнем была черная полоса, чем не очаг неандертальцев?

Ребята с нашей улицы часто играли в «12 палочек». Я в игре не участвовала по малости лет. Боялась, что мне придется, как Фае Честиковой целый вечер быть галевой. В последний момент разбивать палочки был мастер Витя Батраков. Он часто прятался в подполе своего дома. Не знаю, как он умудрялся пролезать в маленькое окно для проветривания подпола, а потом быстро выскакивать из него, разбивать собранные палочки и снова прятаться.

Жизнь мы изучали не только по учебникам. Летними вечерами женщины выходили на майдан. Ничего общего с украинским. Они присаживались на лавочки то у одного дома, то у другого и обсуждали местные новости.

Зимой главным рассказчиком был наш сосед дядя Леша Пашков. Он приходил в наш дом едва ли не ежедневно. Присаживался на маленький стульчик около печки, раскуривал папиросу и вел с отцом неспешные беседы. А я забиралась на полати и слушала. Иногда он рассказывал о том, что случалось с ним на войне, иногда обсуждал с моим отцом токарем ремонт своей машины или другие колхозные дела. А какое было счастье, если дядя Леша прокатит на машине! Современным детям этого не понять. Как не понять строительство клеток для игр в куклы и дочки-матери.

Мои клетки часто были в саду того же дяди Леша и тети Нюры. Тогда я считала, что у них огромный сад. Несколько грядок, по паре кустов смородины и крыжовника и заросли черемухи.

Сейчас Верх-Беляево совсем другое. В домах живут незнакомые мне люди. Заросшей выглядит наша тропка по угору. Мало по ней пешеходов ходит. Заросли поляны, где мы играли в лапту и чижика. Но остались угоры, речка, хоть и обмелевшая, остался мой любимый камень в косогоре. Сидя на нём хорошо мечталось, случалось, что и плакалось.

Малая родина. Там блестит на солнце речка. Там кланяются мне синие колокольчики. А ромашки подмигивают своими желтыми глазами, словно говоря: «Мы всё про тебя знаем...»

Моя малая родина это...

Михаил Шипулин: ...село, покрытое пушистым снегом, из труб деревенских изб валит дым. Снегири и синички клюют рябину. Мужичок на лошадке в тулупе везёт сено для кормления домашних животных. Дети на коньках, лыжах с красными щеками, без варежек.

Зоя Шляпникова: ...Грызаны, пять озёр, леса, бугры и ямы, лавочка у магазина и старухи на ней весь день сидят, пастбище с коровами, овечками, козами. Зимой – сугробы и мы, мокрые в снегу, скатывание с крыш, драки, мама и пинки под зад, старшие братья.

Занин Валерий Алексеевич
Поэт Сергей Есенин и мой дед Степан Васенин

Век назад жил Сергей Есенин,
Деревенский простой поэт,
Как и дед мой, Степан Васенин,
Был одних с ним примерно лет.
Воспевал Россию Есенин
Синь небес и зелень лесов.
Ну, а дед мой, Степан Васенин
Сыном был полей и лугов.
Его тоже манили дали
И бескрайняя, светлая Русь.
Был поэтом он? Нет, едва ли,
Но в душе его та же грусть.
Те же лики старой деревни,
В избах, в правых углах – образа,
А из всех образов этих древних,
Большой частью – распятья Христа.

Жизнь у деда была не сладкой
Кабаков не топтал он полы.
То в лугу он, то в поле над грядкой,
Спину гнул от зари до зари.
Был он крепок духом и силой,
Только годы берут своё.
Он ушёл молодым и красивым
Не судить мне за это его.
Рано умер Сергей Есенин,
Чуть позднее, за ним ушёл дед.
Звали деда Степан Васенин,
Их обоих уж нет много лет.
Но они для меня – живые,
Я с печалью храню их в груди.
Родились они оба в России
И в Россию навечно ушли.

Нина Васильевна Игошева
Деревенька моего детства

"Домой!"- это слово, как магнит, притягивает из поездки в город. Домой!.. И вот за поворотом, вскоре возникает село, а в центре его церковь с золотыми куполами. Домой! "Скоро Орда", - так думается всегда, когда возвращаешься из Перми или Кунгура. И чувство радости переполняет сердце.

А за Ордой есть небольшая деревенька Арсёновка, которая с раннего детства запомнилась мне. Родилась я в Орде на улице Заречной. Родители строили дом у реки. Летом в детский сад я не ходила, а куда меня, такую кроху? Ну, конечно же, к бабе Марии в Арсёновку. Там всё было необычно и загадочно! И ещё ново! Там не было электричества,

так что ужинали при лампе. Помню запах солярки, который шел от дяди Васи, работавшего на тракторе. Приходя поздно вечером, он шумно отмывался от мазута и грязи под умывальником, стоящим в углу. Он шутил, громко смеялся. Бабушка из русской печи доставала чугунок со щами и разливала по железным чашкам, доставала деревянные ложки. А дядя нарезал хлеб, прижав каравай к груди. Я всегда боялась, что вот нож соскочит как-нибудь, да и воткнётся дяде в грудь! Мне самой не разрешали брать нож в руки или спичками играть. На столе всегда была солонка, луковица или чеснок. После ужина баба Мария что-то чинила или носки вязала, а дядя уходил спать. Так как утром уходил на работу еще до рассвета. Мы с бабушкой спали на русской печи, где она стелила немудреную постель.

По праздникам и воскресеньям устраивались праздничные гуляния с гармошками и балалайкой. Смех, задорные частушки звучали под окном! Мне лет было шесть. Я у бабушки попросилась: "Я тоже хочу на улицу, посмотреть и послушать поющих". Она же ответила, что рано мне ещё на улицу. Лёжа возле бабы Марии на печи, я слушала переборы гармошки, смех и шутки девчат. Так незаметно и засыпала.

В пятидесятые – шестидесятые годы в деревне было много гармонистов. Очень хорошо играл на гармошке мой отец Василий Александрович Игошев. Он выходил из дома на угор за своей Заречной и шел в сторону Арсеновки, играя на гармошке. Далеко было слышно!

Играли и арсеновские гармонисты Петр Степанович Феденев, его братья Николай и Леонид. Замечательно играли ветеран Великой Отечественной войны Трофим Семериков и Иван Феденев. Игрой на балалайке славился Михаил Игошев. Все были труженики полей, работали на тракторах, машинах, комбайнах. Женщины, в основном, работали на ферме.

В послевоенные годы деревня начала отстраиваться. Вместо соломенных появились тесовые крыши, а в 60-70-х и шиферные.

В начале 60-х в Арсеновке появились электрический свет и радио. Начал работать сельский клуб (читалка). На уборочную стали приезжать рабочие с завода им. Дзержинского из Перми. То-то было весело в деревнях в августе- сентябре. Танцы до утра. Под гармошки и только что появившиеся первые радиолы и проигрыватели с пластинками. Наутро, мужчины торопились в поле, женщины – на фермы. Так жила деревня в те далекие годы.

Теперь все очень изменилось. Деревни Арсеновки нет как таковой. Есть улица Арсеновская (это бывшая Зарека) и ул. Зеленая, что тянется от ул. Дружбы до самой Арсеновки. Арсеновка слилась с Ордой. Современная Арсеновка это часть большого села, но все же она остаётся деревенькой моего детства.

Наталья Каравашкова
Рябинковый период
Рассказы

Жизнь Натки Федякиной и её братьев стала гораздо интереснее, когда родители купили большой дом на окраине посёлка. Семья получила не только три комнаты, просторную кухню и хозяйственные постройки. Ребятам в придачу абсолютно бесплатно достались тихая зелёная улица, лужайка под окнами, лесок за огородом, скалы невдалеке.

Натку на новом месте ожидал ещё и отдельный подарок судьбы в виде Рябинкиных, которые жили по соседству. В их семье было 3 девочки. Оля уже училась в первом классе, поэтому вела себя так, будто старше Натки не на год, а по меньшей мере на три. Она приносила из школы всякие игры, затеи, которым строго и придирчиво обучала потом Натку, сестрёнку Надю, Венеру и Галю Закировых.

Единственной, от кого Ольга не могла требовать повиновения, была маленькая Зиночка Рябинкина. Напротив, Зиночку полагалось всячески развлекать, нежить, баловать. Натка считала (её мнение, впрочем, никого не интересовало), что именно поэтому Зиночка росла капризной, привередливой и плаксивой.

Саму Натку, тоже младшую в семье, никто не развлекал. Два старших брата принимали её только в игры, интересные им. Какие там куклы, дочки-матери, больница и магазин! Хорошо, если в домино, шашки, морской бой или самолётики. Так нет, Лёня с Генкой любили ещё беготню по комнатам, скаканье на кроватях, заползание под столы и на шкаф, прятки с внезапными ударами из-за двери подушкой по голове, от чего у Натки искры сыпались из глаз. Вернувшись пару раз из магазина в самый разгар диких забав, бабушка всплёскивала руками и сокрушённо повторяла: "Содом угомор! Содом угомор!" Эти слова для Натки обозначали запрещённый разгул, разгром, беспорядок, шум, крики и пыль до потолка. Ей было невдомёк, что бабушка называла так грешные библейские города Содом и Гоморру.

В общем, до переезда в новый дом у Натки не было девчачьей компании. От скуки и одиночества она в 4 года научилась по старому букварю читать, после чего совсем перестала путаться под ногами у взрослых и братьев. А тут такая удача - соседки-подружки! Этот период в жизни Натки вполне можно назвать Рябинковым. Хотя длился он недолго, два-три года, но оказался ярким, наполненным событиями.

У Рябинкиных всегда происходило что-то увлекательное, занятное. Каждый раз Натка отправлялась к ним, как в пещеру Али-Бабы, не зная, какое приключение ждёт её сегодня.

Боеприпасы

На улице стоял страшный мороз, гулять нельзя, ребята даже в школу не ходили. Натка выждала, когда, по её прогнозам, проснётся после дневного сна Зиночка, и прибежала к Рябинкиным. У них царила небывалая тишина. Сёстры сидели на полу вокруг большого фанерного ящика от посылки, доставали и открывали коробочки и мешочки.

- Что там у вас? - заинтересовалась Натка.

- Это папины боеприпасы от ружья, - важно ответила Ольга. - Вот тут написано "пыжи".

Пыжами назывались кружочки, вырезанные будто из валенка. Зиночка уже высыпала их на пол и раскладывала по квадратам домотканых половиков.

В других коробках оказались блестящие металлические патроны; кругленькие, как конфетти, золотистые капсули; невзрачные картонные пыжи. В одном маленьком мешочке был насыпан какой-то серый порошок, в другом - тяжёленькие шарики мельче гороха.

- Это дробь, - объяснила Ольга.

- Дьёбь! - звонко повторила Зиночка, продолжая играть пыжами.

Девочки зачерпнули по горсточке дроби, покатали между ладонями, по полу. Ольга взяла дробинку в рот и сообщила:

- Кисленькая, как витаминка.

Натка тоже попробовала - на витаминку ничуть не похоже, вкус железяки.

- Къясиво! - внезапно сказала Зиночка.

Один квадратик половика она полностью заложила войлочными и картонными пыжами, в середину поместила капсули, а в углах поставила по патрону.

Все немедленно подтвердили, что красиво, и тоже стали выкладывать узоры, каждая в своём квадрате. Расхваленная за придуманное занятие Зиночка охотно помогала, подтаскивая по просьбам девчонок то пыжи, то патроны.

Мир, покой и согласие продолжались, пока Надя вдруг не вскрикнула:

- Ой! Я нечаянно две дробинки проглотила!

- Ты что! - переполошилась Ольга. - Они же у тебя в животе взорвутся! Ложись и не двигайся!

Надя побледнела, медленно встала, придерживая живот, и побрела к кровати.

- Натка! Беги скорей за своей мамой! Она врач, на войне была, знает, что делать! - скомандовала Ольга дрожащим голосом.

В растёгнутом пальто, без варежек, заливаясь слезами, Натка бежала со всех ног и с ужасом ждала, что за спиной вот-вот громыхнёт.

- Мама! Мама! - закричала она, врываясь в дом.

- Что ты орёшь? - лениво отозвался Генка. - Мама ещё с работы не пришла.

- Её надо скорее к Рябинкиным! - заметалась от двери к окну Натка. - У Надьки в животе сейчас дробь взорвётся!

Из комнаты выглянул самый старший брат - четырнадцатилетний Лёня - и весело спросил:

- С чего вдруг она взорвётся?

- Это же боеприпас, от ружья, - всхлипнула Натка.

Братья переглянулись и захохотали. Потом Лёня растолковал сестрёнке, что такое дробь.

С доброй вестью Натка помчалась обратно. Прямо в пальто залетела в комнату.

...Надя в ожидании взрыва или разрезания живота неподвижно лежала на кровати, вытянув руки вдоль туловища и глядя в потолок. Слезы стекали у неё по вискам, падали на подушку. Испуганная Ольга с Зиной на руках сидела на стуле в дальнем от кровати углу комнаты.

- Мамы нет дома, - выпалила запыхавшаяся Натка, - а Генка с Лёнкой говорят, что дробь не взрывается, это просто круглые кусочки свинца!

- Много они знают, - проворчала Ольга, успокаиваясь, и отпустила Зиночку. - Теперь что, дробь всегда будет у Надьки в животе болтаться?!

За окнами под торопливыми шагами заскрипел снег. Ольга округлила глаза, охнула, протянула зловещим голосом:

- Ма-ма идё-ёт!

Натка огляделась: в комнате творился настоящий "содом угомор", хотя и бесшумный. С воплем "мама!" Зиночка устремилась на кухню. А Ольга с Наткой, не сговариваясь, упали на колени, принялись горстями хватать и бросать прямо в ящик (какие уж тут коробки и мешочки!) всё, что попадало под руку: дробь, капсулы, пыжи, патроны. Только Надя с безучастным лицом сидела на кровати, положив руку на живот, будто пыталась почувствовать, как внутри перекачиваются проглоченные боеприпасы.

Пока тётя Аня раздевалась, целовала и тискала Зиночку, выкладывала из сумки купленные по пути с работы продукты, девчонки успели скинуть всё в ящик, затолкать его под кровать, поправить половики. Обнаружив, что так и не сняла пальто, Натка придвинулась к двери в кухню, будто вот-вот собралась уходить. Ольга облегчённо улыбнулась - успели!

Тут тётя Аня на кухне спросила:

- Что вы сегодня делали?

Зиночка немедленно выдала главную новость дня:

- Надя съела дьёбь!

- Чего-о?! - грозно переспросила тётя Аня и двинулась в сторону комнаты.

Девчонки сразу сообразили: сейчас будет им такая "дьёбь", что мало не покажется. С каждым шагом тёти Ани неотвратимое возмездие приближалось.

- Что стоишь? Иди домой! – махнув на Натку рукой, мрачно буркнула Ольга.

Натка выскользнула из комнаты прямо перед носом у тёти Ани, сунула ноги в валенки, вежливо попрощалась и юркнула за дверь.

...Наутро она отправилась к соседям с некоторой опаской. Тётя Аня уже ушла на работу. Дома был спокойный и добрый дядя Коля. Старшие девочки встретили Натку у входа. Ольга вполголоса проговорила:

- Ты к нам пока не ходи, мама очень сердится.

- На меня? - удивилась Натка.

- Ага! - хитро глянув на сестру, подтвердила Надя. - Олька маме сказала, будто это ты предложила в ящике рыться.

- Ну и что! - нагло заявила Ольга. - Нам хоть меньше попало! Меня мама всего три раза рукой хлестнула, а на Надьку вообще только покричала, зачем она дробь в рот сунула.

Натка, которой ни за что ни про что отказали от дома, обиделась и молча ушла. Сгоряча она даже решила никогда больше с Рябинкиными не играть.

Но дня через два мороз отпустил, ребята высыпали на улицу. Братья с другими мальчишками стали на огороде у Федякиных рыть в сугробе землянку, для потолка без спроса притащили со двора четыре хорошие доски. Сюда же пришли сёстры Закировы и Рябинкины. Ольга как ни в чём не бывало предложила наделать в снегу комнат с диванами, столами, прочей мебелью. Работа закипела, и все обиды забылись.

Наталья Кичигина
Воспоминания о школе

Все чаще вспоминается бывшее.
Когда - то время было золотое.
Юность, молодость в душе играла.
Сердце бешено билось, не уставало.
Школа Опачевская родная,
Когда-то казалась очень большая.
Теперь же пройдя по классам.
Воспоминания всплыли массой.

Уютные классы невелики совсем,
А сколько тайн у этих стен.
Многое вспомнилось и промелькнуло.
Душу от этого сильно кольнуло.
Вспомнились мои школьные учителя.
Видно, училась здесь я не зря.
Вспомнились шальные одноклассники,
Не иначе, как бывшие проказники.

А яблони наши в школьном саду
На радость всем цветут и растут.
Взрослыми стали и они.
Как мы, повзрослели в пути.

Школа, школа - трамплин для всех.
Каждого должен коснуться успех.
Школьные годы как сказка.
Моя память о них прекрасна.

Людмила Конева
Размышления о возрасте мудрости

Мне скоро 50, а маме 81. Интересные ощущения вызывает этот возраст - присутствует некая раздвоенность. С одной стороны, мне много лет - уже 50, но если сравнить с возрастом мамы- немного...С другой стороны, я не ощущаю этого возраста. Он меня не тяготит и не ограничивает ни в чём. Смотря на маму, которой я восхищаюсь, в свои 80 лет бодрa, энергична, здраво рассуждает, сама всё делает по дому, ещё нам всем помогает. Соответственно, мой возраст и мама придают мне оптимизма и уверенность в будущем, и каждый день расширяет мои возможности. Мои 50 лет - это тест на зрелость, а мамин - это тест на мудрость.

Источник любви мамы бесконечен, и чем больше она отдаёт, тем больше получает от жизни того, что ей нужно. Истинной любви никогда не бывает много ни к детям, ни к Родине, ни к природе, ни к профессии. Моя мама этому пример.

Родственные отношения – особая тема, и не у всех они гармоничны. Мне в этом помогает мама и муж. Людям не хватает душевности, а она растёт именно из взаимопонимания и уважения. Хочу вспомнить небольшой, но очень значимый случай из моей жизни... После очередного неудачного декрета вышла на работу. Настроения не было, в душе только пустота, разочарование и горе.

В школе к этому времени сменился директор. Он прошёл по классам, и мой оказался не из лучших (Я только вышла и не успела, как надо привести в порядок). Меня вызвали, не разобравшись, отругали. Я оправдываться, объяснять не стала, просто взяла лист бумаги и написала заявление об уходе. Пришла домой поревела, повыла, укрепилась в своём желании уйти. Муж видя моё состояние, сказал: «Уходи! Прокормлю!» Пошла к маме сказать о своём решении. Мама, как мудрая женщина, выслушав, сказала: «Людочка, преподавание – это твоё призвание, ты с детства мечтала об этом, мечта осуществилась, ты выучилась, у тебя есть небольшой опыт работы. У тебя всё получается, ты понимаешь детей – они отвечают взаимностью. Директора за твою педагогическую жизнь ещё не раз поменяются, ты ещё не одного переживёшь. Волю и разум собери в кулак, обиду – оставь во вчерашнем дне. Иди работай!!!»

Много ещё чего мне в тот вечер сказала мама, но я благодарна, что она меня остановила от отчаянного шага, от решения, принятого в злости. Кстати, она оказалась права во многом... Также я знаю точно и уверена, что с другой стороны, если что, то меня всегда «прокормят» ...

Кравец Елена Александровна
Милый сердцу уголок

У каждого человека есть место, которое напоминает о теплоте материнских рук, о счастливом детстве, о солнечных днях. Место, где пахнет свежим хлебом, пирогами, где слышен треск дров, завывание ветра за окном и снег.... Снег – искристый, неистовым блеском серебра завораживающий взор.

Есть в Ординском районе теперь уже маленькая деревенька. Лет двадцать назад, это было село с большим колхозом «Заря», с фермой и комбинатом «Уральский камнерез». Две основные перпендикулярные улицы, ветвятся на маленькие улочки с деревянными домиками. Домики с резными наличниками - как домик сказительницы сказок. Домик с покосившейся крышей, скрывающий магию чародея. Домик с калиткой, цветником и огромным двором - как царский терем расписной...

Да, такие домики встречаются в моей деревеньке. Главное, что в этой деревне живет моя любимая бабушка Нина Васильевна, всегда веселая, приветливая и любящая нас. Вот именно в ее маленькой избушке, посередине избы стояла огромная русская печь. Самые вкусные блюда и «стряпня» из моего детства были из этой печи: шаньги, картофельные пироги, ароматный ржаной и пшеничный хлеб, кисель, печеная картошка в чугунке и суп- «похлебка». Самое главное было вовремя занять место, что бы ночевать на этой печи, потому что желающих было много, а лет до десяти родители разрешали нам спать на «полатях» - вот это было круто! Почему? Сейчас я и объяснить не смогу.

В другом домике, жил мой любимый дед - Тихон Яковлевич и бабушка Клава. Дед казался всегда особо важным и деловым, а все по тому, считала я, что он был директором комбината и ему было так положено. Дед держал кроликов и в детстве у нас были мягкие и теплые шубки, шапки и варежки. А еще у деда была тетрадь в которой он ежедневно отмечал погоду для того, что бы предсказывать ее на следующие полгода. Помимо кроликов у деда была пасека. «Ну-ка бабушка, угощай внучек медом!» - строгим, но тихим добрым голосом говорил дед. Бабушка заботливо расставляла в столовой чайный сервиз и угощала нас сладким, ароматным медом...

Но самое интересное и удивительное был для меня тот факт, что в селе все тебя знали. Бабушка тоже всех знала и когда я рассказывала о том, что меня угощала бабушка из домика по улице Ясылская или Заводская, бабушка с улыбкой определяла, что это была бабка Маруся, Варя, Дуся и так далее.

Но нет ничего красивее природы в нашей деревеньке. Дом у бабушки стоял вблизи лога, который крутой дорогой уходил в Мишкин лес, а лес располагался на горе. Все свое детство мы провели в этом лесу, стоили шалаши и земляки, домики на могучих ветвях сосен.

У подножья горы располагаются луга с островками заболоченных мест – сограми. Ограждая луга и поля, развиваясь между горами, бежит река Ирень, на другом берегу которой тоже гора и соседние поселения. И от горы до самой Ирени - цвели и пахли луговые цветы и травы. На этих лугах располагались и пастбища домашних животных, где жители деревни по очереди от дома к дому ежедневно, с раннего утра и до вечера, пасли стадо коров и коз. На горе в Мишкином лесу была поляна, с которой вся эта картина представала в полной красе. Самое завораживающее зрелище было весной. Вроде бы маленькая в этом месте река Ирень в весеннее половодье выходила из берегов и разливалась на много километров до самой горы.

А по рассказам моей бабушки во времена ее детства, вода заходила в лог, почти до самых домов. Это непередаваемое зрелище... деревья и кустарники стояли в воде, все луга, которые ты можешь охватить взглядом – в воде. В первые майские дни каждый вечер к Мишкиному лесу шли люди маленькими и большими компаниями, соседи и родственники, дети и подростки, и стар и млад. Все шли посмотреть разлив Ирени и полюбоваться этой красотой.

С наступлением теплых летних деньков гора превращалась в ягодную кладовую. На ее крутых склонах, словно россыпью бус, росла и зрела ароматная и сладкая клубника. На угорках, вдоль лесной полосы, в маленьком березняке или ельнике, просто за огородами, краснела земляника. И с самого раннего утра толпы ребятишек шли с кружками, бидонами и кузовками за сладкими ягодами. Плохо было только тем, чьи покосы располагались на тех самых угорках. Порой хозяева покосов выбегали из домов, которые располагались на горе, размахивая руками, бранили ягодников и гнали их прочь. А если ты хотел «сорвать ягодный улов» приходилось уходить по горе от села на несколько километров на Лысую гору и там, никому не мешая, ты мгновенно набирал необходимое количество ягод.

Не только ягодной кладовой хвалилась гора и Мишкин лес. Именно здесь растут самые вкусные и благородные грибы – рыжики, конечно и

другие съедобные грибы. С малых лет родители без опасения отпускали нас за ягодами и грибами, все были уверены, что блуждать там негде.

Дети из близлежащих городов приезжали к бабушкам и дедушкам на каникулы и село оживало. На каждой улице были свои коалиции. Были свои игры и порядки. У нас была дружная компания, летом мы собирали огромными охапками на горе горькую редьку, выносили из дома хлеб и соль и ели... Мммммм, как было вкусно! Вместе мы ходили за черемухой, которая росла на берегу реки Ирень. Мальчишки наклоняли ветви, а девчонки собирали ягоды с кисточек.

В детстве именно из Мишкиного леса, через лог дед Мороз приносил елочку и подбрасывал ее в ограду, а в новогоднюю ночь на санях развозил подарки. Так нам об этом говорила бабушка, а мы на утро бегали в лог искать следы от саней деда Мороза. И самое удивительное было то, что мы их находили.

Теперь я уже взрослая, судьба забросила меня на север Пермского края. В нашем городе есть развлечения: батутный центр, роллердром, лыжная база и многое другое. Здесь тоже есть леса, луга и поля, есть ягодные и грибные места, есть милые и добрые люди, но до сих пор я скучаю по родным местам. Сейчас мы привозим в гости к бабушке своих детей, гуляем по любимым местам своего детства. Наверное, каждый, кто прочитает мой рассказ, узнает в нем свою любимую деревню, село, вспомнит дни из своего детства. Но с гордостью могу сказать, что свою маленькую родину я безмерно люблю и никогда не забуду.

Татьяна Михальцова
Дорога в Орду

До Кунгура поездом доеду,
Взяв пожитки, выйду на перрон,
Попрощавшись наскоро с соседом,
(Надоел прокуренный вагон).
Рядом автостанция... В окошке
Скажут мне: "Автобус ваш ушёл".
Ну, и ладно... по прямой дорожке
Мне и прогуляться хорошо.
Я в Орду пойду, к своим истокам,
Двадцать километров - всё пешком...
Ничего... к родимому порогу
Я отправлюсь даже босиком!

... Вот уже протопала прилично,
Сяду под берёзою, вот тут...
Может кто-то на машине личной
Будет проезжать, да подберут.
На приволье отдохну немного,

Только что-то там пылит вдали...
Наконец, попутка, слава Богу,
До села меня бы довезли.
... Расскажу я про Орду вам всё же,
Как она Ордою назвалась:
Был Ар-Дын, Ильинский был острожек,
Манси арам уступили власть,
Ары века не провековали,
К ним с востока русы подошли,
И острожек тот Ордой назвали,
Пермским славным краешком земли.
И Ардынью-реченьку - Ординкой,
Как приток большой реки Кунгур,
Всё происходило по старинке,
На заре ананьинских культур.

... Вот уже погост ординский вижу
За селом родным, печален... тих,

Попрошу остановить поближе,
 Навещу могилки всех родных.
 ... У обочины лопух высокий,
 Подорожник, мята, лебеда...
 Здравствуй, край любимый синеокий -

Милое селение Орда!
 От церковных стен Ильи Пророка
 Слышится вечерний перезвон...
 Привела меня сюда дорога,
 В край родной уральский, на поклон.

Петелин Владимир Родионович Две мамы в моей жизни

Мне было шесть лет, брату два месяца, когда мою маму парализовало. Отнялась нога и рука. Передвигаться она с моей помощью могла, и мы ходили и собирали милостыню по деревне. Кто что подаст: кусок хлеба, яичко, картошку. Я её держал за руку, второй рукой она опиралась на палку.

Так как мать не могла стирать, готовить, отец вынужден был привести в дом другую женщину. Мама не могла смириться с этим и попросила отвезти её к тётке в другую деревню, которая примерно располагалась на расстоянии одного километра. Я всё понимал и бегал без разрешения к родной матери. За что получал ухватом и лопатой от мачехи. А моего брата она воспитывала как родного. И отец просил меня не говорить брату, что он не родной сын мачехи. Я рассказал брату только тогда, когда он вернулся из армии. Мама проболела 18 лет. Последние годы лежала. Мачеха меня недолго любила, т.к. со мной было много проблем.

Воспоминания детства возвращают меня в родную деревню, бедную и голодную. Детяслей и детсадииков не было. Часто я дома не ночевал, сбегал, бродяжничал. С 1 по 4 класс учился плохо. Взрослые были с утра до вечера на работе в колхозе. Дети были предоставлены сами себе. Родители, уходя на работу, давали задание на день: убрать навоз, наносить с речки воды, зимой убрать снег, наколоть и сложить дрова. Не всегда это выполнялось мной. Были компании, группы по улицам. Мальчишки часто дрались. За хулиганство и бродяжничество меня дважды пытались отправить в детскую колонию.

Первый раз меня защитила тётя, к которой отец отвёз мать. Второй раз - женщины-трактористки, у которых я работал прицепщиком. После 7 классов поступил учиться на комбайнёра в училище. Принимали с 16 лет, а мне было 15. Пришлось подделать свидетельство о рождении родной матери: 1909 год исправил на 1939. Хлоркой свёл мамину фамилию, имя, отчество, заменив своими данными, вместо нуля написал цифру 3, измял и сдал в приёмную комиссию. Подделку разоблачили, но директор пожалел и не исключил из училища. После училища в 15,5 лет я стал полноправным работником МТС. Затем

окончил техникум в Очёре, заочно Пермский сельскохозяйственный институт.

Работая по распределению в училище механизации № 4 в городе Кунгуре, познакомился со своей будущей женой, с которой вместе уже 53-й год. Родом она из Орды. Так Орда стала и моей родиной.

Со временем я многое переосмыслил и благодарен своей второй матери, что она меня кормила, обстирывала до 18 лет. Теперь я ухаживаю за могилами двух матерей, со своими племянниками, т.к. брат умер. Ежегодно езжу в Тюменскую область на разные кладбища, где захоронены две матери. Отец с моей родной матерью на одном кладбище, а вторая мать в деревне, откуда родом.

Пичугина Татьяна Леонидовна
Уголок детства

У деревни на пригорке,
Где красавицы берёзки,
Распустив свои серёжки,
По весне роняли слёзки.
Перекличка петухов,
Крики сонных пастухов.
Трель солиста – соловья,
Рано что будил меня.

Грома летнего раскаты,
Грусть волшебного заката,
Час, когда плывёт прохлада,
Деревня ждёт прихода стада.
Эти трели соловья,
Как от них пьянею я!
Я люблю до боли в сердце
Уголок знакомый с детства.

Полякова Светлана Николаевна

Однажды...
Надо родиться!
Для чувств жизнь обрести,
По родной земле несмело
Несколько шагов пройти.

А потом года считая,
Когда сможешь ты считать,
Силу от родного края
Будешь черпать и качать.

А набравшись, на чужбину
Тебя, конечно, понесёт.
Но, пристанище, однако,
Душа твоя там не найдёт.

В чём же смысл? И где же корни
Тебе свои тогда пустить
И искать себя ты будешь,
Будешь, как попало жить:

От зарплаты, до зарплаты,
Меняя круг своих друзей.
И подсознательно, конечно,
Ты тянешься к земле своей.
«Ведь где родился, там и

пригодился», -
Не зря же люди говорят.
И покрутившись на чужбине
Ты возвращаешься назад.

И как-то все свелись дорожки
К исходной точке на земле.
Мой старый дом, ты ждал немножко,
Чтобы вернулась я к тебе.

Моя земля! Лишь тут отрадню
Душе и сердцу. Потому
Корни здесь пусти в награду
Судьбе и краю моему.

Хабарова Анна Андреевна
Военное детство – оно у каждого своё, неповторимое

Дети войны – так теперь нас называют. Мне было 5 лет, когда началась Великая Отечественная война. И кажется мне, что не было дня, когда взрослые не говорили бы о войне, о тяготах жизни. Всё детство связано с селом Орда, с улицей Набережной, так теперь её называют, а тогда мы говорили: «Живём на Нижней улочке». Вся прелесть была в речке Ординке, косогорах, небольших домиках, которые, как бы сговариваясь, располагались друг против друга. Но особенно нравилось нам играть на речке, а речка наша необычная, холодная с действующими ключами и ключиками, с тихим журчанием. До сих пор, переходя по мостику речку, слышу какое-то неясное журчание. Недаром давалась эта речка – не раз болели ноги, да и все болезни были существенными. Особенно нравилось «тыкать усанов», на палку привязывали обычную вилку и этим «орудием» старались приткнуть усана, бродя по реке.

Все игры заключались в существовании окружающего мира. Земля, и что на ней росло, и что можно было съесть. Весной и летом это вся возможная растительность: горькая редька, пиканы, пистики, гранатки, лопухи (ствол), крапива, крупянки (маленькие молодые шишечки) на ёлках. За ними ходили в ельник и любовались на те ёлочки, где было их красно. Потому и живы ещё, что ели эти «витамины». Какая была радость, когда найдёшь гнилую, перезимовавшую картошку, её собирали по угорам, из неё пекли «оладушки». И хорошо запомнилась алюминиевая кружка, в которой мама приносила кашу с работы.

Рылись в земле, делали цветочки, живые цветы под стеклом – какая прекрасная живая картинка! А остальные игрушки из глины и песка (они соответствовали эпохе): танки, танкетки, самолёты и т. д. А бедные руки были «в ципках», они очень болели.

По улице Советской обозы увозили будущих солдат на войну. Для нас это было что-то необычное, по каким-то слухам мы узнавали, когда эти обозы будут проезжать, и ждали их на своей улочке. Игра гармошки, песни, слёзы, громкие крики – всё тогда смешалось в один вопль. А мы бежали за обозами до тех пор, пока были силы, потом отдыхали на земле и снова возвращались на свою улочку. Жили на нашей улице и эвакуированные дети, помню одну девочку Катю из Украины, она нас учила полоскать бельё не горизонтально, а вертикально. Учила нас украинским песням, одну такую помню до сих пор (только начало): «И шумэ, и гудэ шумный дождик идэ». А мы ей пели свои, давно известные («Спят курганы тёмные»). Одна семья из Киева жила какое-то время рядом с нами. Хозяйка, её звали Вера, была

городская, интеллигентная женщина, она работала где-то в центре села. Дети, Володя и Фая, были больными, и она лечила их в нашей больнице у Людмилы Владимировны Кривоноговой. Они уехали, как только освободили Киев (?!), а может и позднее. Вера мне наказывала, чтобы я фото и адрес их не теряла, с ними связь держала. Благодарила, что помогала им, следила за Володей и Фаей.

9 мая 1945 года. Я оканчивала первый класс в Ординской школе, это был незабываемый день. Всех отпустили домой, позднее был митинг. Из свежераспиленных досок сколотили трибуну много выше современной водонапорной башни (у больницы). Люди ликовали: радовались, плакали, кричали. Весь день – это праздник. Начала учить в 1 классе старейшая учительница Погибалкина Ольга Михайловна. По своему виду она напоминала Н.К.Крупскую. Но учила не долго. Одно помню, что сидели в своих пальтишках и слушали чтение сказок, и мир сказок был самым необыкновенным в жизни. Оказалось, что в конце года (учебного), я не умею ни читать, ни писать. Учебники давали на учеников с улицы Советской и нашей. Они до меня не доходили. Стоял вопрос – оставить на второй год. В букваре помню первую фразу: «Мама мыла раму» и картинку к ней. Кто-то помог мне, потому что летом я огородами бегала к Погибалкиной О.М., и она занималась со мной. Когда научилась складывать слоги в слова, радости не было конца.

Можно много ещё вспоминать о тех незабываемых годах, но проходит жизнь, и всё больше стирается из памяти. Я благодарна тем людям, которые окружали меня в те суровые, трудные годы. Другого детства мы не знали и не ведали. А ведь они были просто добрые, заботливые по-домашнему, справедливые. Чаще всего это были просто родственники (им я обязана многим), соседи, знакомые. Не могу даже назвать имён и фамилий тех подруг, с кем проходило детство, они часто менялись. И все мы были обречены на такое детство.

Шляпников Александр Егорович

Орда

Эх, Орда, река Ординка,
Нет роднее для меня.
Твои воды, как слезинка,
Вдаль текут меня маня.
Да, когда всё это было,
Годы многие прошли.
Деревянный мост, перила
Ловят рыбу мужики.
Всё с годами изменилось,
И Орда, и не Орда.

Даже церковь возродилась,
Вновь звенят колокола.
Ничего сейчас не скажешь,
Много нового в Орде.
И домов косая сажень,
Понастроили везде.
Пусть живёт Орда навечно,
Люди множатся, живут.
И в умах, делах сердечных,
Только ангелы поют.

Татьяна Южакова

Даже не снилось

Вам тоже часто снится детство?

Без интернета и мобильных.

Когда, что слаще – по соседству –

Крыжовник, вишня и малина.

Через заборные прорехи

За сочной ягодой тянусь...

А брат вчера принес орехи,

Но все дразнил: «Не поделюсь».

И сенокос вам снился, может?

И мне. С коляскою «Урал».

Нас - ребятню «работать» тоже

С собой охотно папа брал.

Вот наш покос. Все называла

Его баб Нюра «Пашин лог».

Мы по нему, забот не зная,

Носились не жалея ног.

Еще мне снилась непогода

Забор, пропитанный дождем,

И мы с сестрой по огородам

Бежим промокшие домой.

А нашим детям не приснится

Ни «микрофон» из камыша,

Ни домик-клетка, где синичка

Себе столовую нашла.

У них совсем другое детство –

Ютуб, «Майнкрафт» и «GTA»

А что поспело по соседству -

Уже добыча воробья...

Деревенька милая моя

С тихой речушкою в низине.

Скромно обозначен центр села

Старым деревянным магазином.

Тополя здесь больше не шумят,

На скамьях старухи не майданят,

Но все так же шумно ребятня

Сквозь бурьян бежит к реке

поплавать.

Затонули старые мостки,

Заросли дороги в наше детство.

И уже другие старики

Нас о жизни спросят по-соседски...

И своей студеною водой

Ветхие колодцы не напоят.

Здесь уже повсюду новострой

И леса позарасли стеною.

Не узнать родимой стороны.

Громче смех девчонок и мальчишек?

Просто мы с тобою подросли

Из таких же сельских ребяташек.

Деревенька, зеленью маня,

Что встречает Рыбинской горою,

Пусть споет однажды дочь моя

О тебе над тихую рекою...

Моя малая родина это...

Любовь Балакина: ...улица, по дороге которой ты бегал с друзьями. Особенно вспоминаются моменты, когда после «грибного» дождика бегали по лужам босиком... Это речка, куда мы с папой рано утром ходили на рыбалку. Это утренние лыжные прогулки до ближайшего лесочка. Встреча с белочкой... Любованье восходящим солнцем, тишиной зимнего утра. Это просто окружающая природа: нет ничего милее и красивее родного сердцу уголка.

Ольга Осетрова: ...деревня, где родилась, родительский дом, запах хлеба в доме, озёра, где купались, земляничные поляны.

Лидия Варзакова: В Орде я прожила 50 лет – это полвека. И я чувствую, что это и есть моя родина. Я нигде не жила больше 3-10 лет, но помню все эти места. Очень люблю природу, животных, отдыхаю душой в лесу. И мне даже страшно подумать, что можно уехать и жить за границей. Люблю лечь на землю и смотреть в наше русское небо в яркий солнечный день и наблюдать за облаками. А вокруг стволы белых берёзок, на которых распускаются зелёные листочки.

Владимир Щербинин: ...домик родительский на окраине, босоногое детство, друзья, приятели, лужи деревенские, молоко парное с горбушкой хлеба.

Любовь Башмакова: ...детство, родительский дом, юность, школа.

Михаил: ...отчий дом, сад, друзья, близкие, родители, ощущение родного, своего, знакомого, память о детстве, безмятежности, память о юных годах.

Зоя Игнашина: ...летний день в д. Климиха. Пыльная дорога, но это только в центре, возле магазина. В детстве к нему подходишь – и пахнет пряниками. А возле своего родного дома – дорога другая, по ней ездили только на лошадях. Мягкая трава, тёплые лужи после дождя. Они реально тёплые. И мы бегали по ним, конечно, босиком, то, что ноги в цыпках – это не беда. Ребятни много, и как-то весело и беззаботно.

Тамара Камарьян: ...дом, семья. Согра за огородами, цветы, одуванчики, луг, речка, болото, уточки в речке. Старый колодец. Запах топящихся в субботу бань.

Андрей Яхин: ...место в котором прошло моё детство, юность, в котором я живу и сейчас. Живут мои близкие, родные. Где прошли мои школьные годы, была моя первая любовь, встретились мои нынешние лучшие друзья, с которыми мы по сей день не теряем контакта. Место, по которому скучаешь после долгого отсутствия, в которое хочется вернуться. Всё знакомое, родное.

Галина Феденёва: ...где родилась и живу. Малиновка. Баляковка. Дом, цветы золотой шар в палисаднике, черёмуха, бабушка с дедом, мастерская деда по ремонту обуви и конной сбруи, речка, тополь через дорогу, друзья, первый учитель. Орда. Деревня Острожка (позднее - улица Пугачёва), где прошли школьные годы. Липа возле дома. Люди, живущие на улице, соседи. Речка Кунгурка, куда бегали купаться. Маленький брат и родители, амбарушка соседей, где собирались вечерами. Школа, одноклассники...

Василий Шляпников: ...там, где мама родила, там и родина.

Любовь Щербинина: ...любимая улица тогда д. Казаково на берегу небольшой речки Кунгурки. Мостик через неё на другой берег, а там справа ключик, куда мы бегали с подружкой за водой с детскими ведёрками. А за домом уже за огородами пшеничное поле с голубыми васильками по краям. Там тоже дорожка на Казаковскую гору, где мы собирали ягоды. Сам берег с зелёной травой и колея от телеги. Позднее пруд с чистой водой, широкий, красивый. И мой любимый дом на этом берегу. Моё любимое место, где прошли детство и юность.

Любовь Пермякова:

...дом с родными. Детство. Родная школа. Улицы, поля, лес, речка, пруд. Любимый парк.

Татьяна Ложкина:

...моя деревня Рубежево, родительский дом, школа.

Нина Босунова: ...наше Павлово. Всё там. Как по горам бегали, костры жгли.

Раиса Гладилова: ...наша деревня, особенно летом. Всё в цвету, кругом озерки, а в них небо. Запомнится навсегда.

Татьяна Вахрушева: ...Орда, речка Ординка, пруд, зелёный лес, Ординская церковь.

Ирина Ларькова: ...село, в котором я родилась и выросла. Цветущая черёмуха, сирень возле дома. Дорога в школу. Улица, где мы играли с друзьями.

Тамара Камарьян: ...дом, семья. Согра за огородами, одуванчики, луг, речка, болото, уточки в речке. Старый колодец. Запах топящихся в субботу бань.

Нина Кургузова: ...где ты живёшь. Детство, родительский дом в Усановке, первая любовь и на всю жизнь, окружающие люди, жужжание пчёл, запах цветов полевых. Родина мужа - моя родина. Дети, внуки.

Людмила Чугаева: ...земляничная поляна, пруд, купание, тёплое, парное молоко, бабушкины руки.

Любовь Игошева: ...Сива. Моя далёкая недосягаемая мечта.

Ирина Тимофеева: ...тайга, любимая морошка, катера на реке. Невозможность туда приехать, невозможность вернуть это. Кто остался жить на родине своего детства и юности, тот не испытывает острого чувства тоски по родным местам.